

100 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ РОССИИ. ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ О НЕЛЕГАЛЬНОЙ АГЕНТУРЕ

ОСОБО

ЦЕННЫЙ ИНФОРМАТОР

Роман о реальных событиях,
когда иностранные разведки пытались вывести
Калининградскую область из состава России

ВЯЧЕСЛАВ МИРОНОВ

Вячеслав Николаевич Миронов

Особо ценный информатор

Серия «Герои внешней разведки»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51677546

Особо ценный информатор: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-109326-6

Аннотация

Российская контрразведка получает информацию о том, что на территории Прибалтийских государств американские спецслужбы готовят крупномасштабную провокацию против России.

В это же время в центре Брюсселя, под носом у штаб-квартиры НАТО, некий француз Артур открывает маленькое кафе «Пивной брюссельский бегемот». Завсегдатаем пивнушки становится эстонский подполковник Роберт Тамм, занимающий высокую должность в представительстве НАТО. Тамм начал свою военную службу еще в Российской армии, воевал в Чечне, а позже, в составе НАТО, участвовал в боевых действиях в Афганистане и Ираке. Вечерами, после службы, Тамм любит посидеть в кафе и пропустить пару кружек пива в обществе Артура. Эстонец всегда спокоен, выдержан и немногословен. Как, собственно, и хозяин кафе.

Это давно вошло у них в привычку – контролировать себя и держать язык за зубами. Ведь и Тамм, и Артур – агенты российской разведки, перед которыми Центр поставил почти невыполнимую миссию – сорвать американскую провокацию в Прибалтике...

Вячеслав Николаевич Миронов Особо ценный информатор

© Миронов В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Я толкнул деревянную тяжелую дверь, на которой висит табличка «Закрыто». Стекло только в верхней половине двери, и на нем надпись «Bière Bruxelles mastodonte». Но разве меня может интересовать какая-то табличка на двери моего кафе «Брюссельский пивной бегемот»? Посетители называют его просто «Бегемот».

Растягиваю рот в улыбке. Она должна быть искренняя. Хотя так хочется послать все к черту и завалиться спать. Только в восемь утра я приехал из Франции со встречи. Потом думал, шифровал информацию, перегонял в Центр. Ждал подтверждения получения.

За барной стойкой стоит Эллис.

– Добрый день, мсье Артур! – приветствует она меня.

– Добрый день, мадам Эллис! – радостно отвечаю ей.

Иду в свой кабинет. Звучит, конечно, громко, так как это

всего лишь небольшая каморка за спиной бармена, с зеркальной стеной. – Стекло с односторонней проводимостью, то есть мне видно, меня – нет.

– Вам как всегда? Кофе? – спрашивает она.

– Да. Как всегда, самый крепкий, – киваю я. – Когда будет готов отчет за вчерашний день?

– Думаю, через полчаса, и заявка на поставку, что нужно.

– Понял, спасибо. Жду.

Обычный день в Брюсселе. Все размеренно у местных жителей. И у меня должно тоже так выглядеть со стороны. Все чинно-благородно.

Я откинулся в кресле, растер лицо. Как же хочется спать! Черт побери, как же достал этот бар! Раньше у меня было прикрытие, связанное с разъездами, это было намного проще. И наружное наблюдение выявлять тоже сподручнее. А тут – обкладывая стационарными постами, передавай по цепочке, для контроля можешь запустить пару филеров, сиди, фиксируй все мои контакты.

Последние пять лет я был в «заморозке». Минимум активности. Отдельные поручения в Европе, типа заложить чей-то тайник. Отфиксировать человека, был он в 16.05 такого-то числа у Бранденбургских ворот.

У меня на связи были два завербованных агента – «Мишель» и «Грегуар». В результате долгой работы они занимали высокие посты в правительствах некоторых европейских стран. Поставляемая ими информация была настолько цен-

на, что Центр принял решение заморозить мою активность. Ни в коем случае не попадать в поле зрения органов контрразведки.

Время шло. Политическая ситуация менялась, и мои визиты были отправлены в отставку новыми правительствами и парламентами.

Когда работаешь с агентами, нужно, чтобы у вас сложились дружеские, приятельские отношения. Ни в коем случае источник не должен думать, что ты относишься к нему потребительски. Только как к товарищу, другу, соратнику. Проявлять искреннюю заинтересованность в его жизни.

В некоторых книгах и фильмах показывают, что разведчик получил компрометирующие материалы на кандидата на вербовку, пришел, вывалил ему на стол фото, где он с любовницей, и он тут же начинает работать на российскую разведку. Приносит тебе сейф с совершенно секретными документами, где расписаны планы ядерного нападения на Россию. Но это в дешевых книгах и фильмах.

Сейчас, когда в моде, или, как говорят, «в тренде», бездетные или разведенные европейские президенты, то кого-то удивить порнографическими снимками сложно. Как и сексуальной связью с лицами одного пола. Да и не будет завербованный агент на компрометирующей основе работать долго. Ему проще пойти на сотрудничество с контрразведкой. И вот здесь имеется масса вариантов. Либо тебя сразу примут, или через тебя будут в Москву продвигать «дезу» в краси-

вой, «правдивой» обертке. И будут тебя «пасти» днем и ночью, выявляя все твои связи, каналы передачи информации, создавая условия мнимого благоприятствования.

За что человек готов умереть? Сам? За убеждения. Они могут быть разными. Это и религия, и понятие Родина, за образ жизни, за всеобщую справедливость, за деньги. За тот иллюзорный мир, который сформировался у него под воздействием социальной среды, опыта, образования, социальных связей, как вертикальных, так и горизонтальных. Это и есть убеждения. Пойми его, дай понять, что искренне разделяешь его воззрения, его убеждения, и он тебе доверится. И будет совместно с тобой добывать «руду» – информацию.

От хронического недосыпа всякое в голову лезет. Азы вербовочной работы всплывают сами собой в голове. Снова растер руками лицо, чуть посильнее уши. Стало немного легче. Аккуратно извлек из стола початую пачку сигарет. Обычная пачка «Marlboro». С виду обычная. Даже можно вытащить сигарету и выкурить из первого ряда. Второй ряд трогать не стоит. Пачка тут же нагреется, и начинка выгорит.

Счетчик посещений кабинета в мое отсутствие. Каждый раз, выходя из кабинета, я обнуляю счетчик. И каждый раз проверяю.

Если дома использую старый, как мир разведки, способ – шарики пыли и крошки, нитки, волосинки, ворсинки, то здесь приходит уборщица и наводит порядок. Всегда наблюдаю за ее работой, прикрываясь срочными делами.

Как занести в охраняемое помещение записывающую аппаратуру, хоть видео, хоть аудио, взрывное устройство, насыпать медленный яд в бутылку с водой или алкоголем, засунуть в кресло радиоактивный элемент или обмазать солями тяжелых металлов телефонную трубку? Уборщица! Просто, элегантно и незаметно. Просто и эффективно. Мне ли это не знать.

Точно так же провести и тайный осмотр помещения. Сегодня осматриваешь один угол, завтра – другой. Изучаешь систему замков, сигнализации, осматриваешь быстро, незаметно стены, пол, потолок, мебель на предмет поиска скрытых тайников. Сейчас на любой карте памяти можно спрятать целую библиотеку провинциального городка, и размером она будет не больше ногтя. Засунь под плинтус или дверную обналичку. Вроде и на виду, а спрятана. Но так поступают только неразумные граждане, начитавшиеся детективов. Не будет разведчик при себе хранить добытую информацию. На ней можно сгореть в два счета. Прихватило сердце, отвезли по «Скорой помощи», раздели, нашли, передали в полицию, вот тебе и неразрешимая проблема.

Конан Дойл описал, как быстро найти спрятанное. Инсценируй пожар – и будут спасать самое ценное. Вот, и если будешь хранить на рабочем месте добытые кровью и потом сведения, то дымовая шашка может заставить тебя выдать себя и принести искомое контрразведке страны пребывания на блюдечке с голубой каемочкой.

В косяк проема постучали, и тут же открылась дверь. Эллис принесла чашечку кофе, отдельно лежал кусочек горького бельгийского шоколада фирмы «Neuhaus» и отдельно бокал с коньяком. Перехватив мой взгляд, она пояснила, деликатно не глядя на меня:

– У мсье была трудная ночь, чтобы привести себя в чувство – это лучшее средство.

– Спасибо.

Она пошла к дверям, но я остановил ее:

– Скажите, Эллис, как вы определили, что я плохо спал?

– У мсье мешки под глазами.

– Они у меня всегда. Не молод уже. Увы!

– Цвет и размер отличается, – кротко ответила она.

– Спасибо, – рассмеялся я. – От вас ничего не скроешь.

Откинулся в кресле, взял коньяк, покрутил жидкость в бокале:

– А вот за это – отдельное «спасибо»!

Поднял, понюхал. Мой любимый. Дорогой. Посетители его редко заказывают.

Девушка вышла. Я залпом выпил, откусил кусочек шоколада, сделал глоток кофе. Уф-ф-ф! Хорошо! Кровь побежала по жилам, мозг начал работать, в глазах стали гаснуть красные круги от усталости. Можно и поработать на благо своего предприятия!

У бельгийцев, в отличие от тех же французов, вообще не принято обсуждать личную жизнь. Только между близкими

родственниками. Насчет того, что здесь есть у кого-то близкие друзья, я затрудняюсь сказать. Можно обсуждать многое: политику, погоду, чемпионат Бельгии по футболу, но личная жизнь – табу. Национальная черта – сдержанность. Улыбка – маска.

Поэтому и Эллис так тактично поступила. Но надо поработать над собой. Если уж гражданская заметила мой утомленный вид, то может кто-то и другой.

Открыл компьютер, чтобы посмотреть почту, параллельно запустил программу контроля видеокамер в баре. За ночь она проанализировала всех посетителей. Отдельно выделила вещи, долго оставленные без присмотра. Это на тот случай, что могут быть кражи или признаки террористического акта.

Сканировала новые лица и выделила их в отдельный блок. Запустилась программа в режиме слайд-шоу. Вид сверху, анфас, профиль. Несколько офицеров в форме. Один из Эстонии, два немца.

Брюссель – вторая столица в мире по концентрации разведчиков на квадратный километр. Первая – Нью-Йорк. Там – ООН, различные фонды при ООН, рядом с ООН.

Мировая биржа на Уолл-стрит. А при ней много агентств, сообществ, обществ, клубов, опять же фондов, консультативных центров. И все они нашпигованы разведчиками всех стран. Узнать информацию с биржи – дать возможность твоей стране опередить остальной мир или не провалиться в финансовую дыру.

С ООН тоже много интересной информации можно получить, и не только. Можно повлиять на процесс. Или попытаться повлиять.

Здесь, в Брюсселе, не так масштабно, как в Нью-Йорке, но имеются органы управления ЕС, НАТО. И город поменьше, все компактнее, поуютнее. На улице можно встретить того, с кем сталкивался в коридорах Центра. Места мало всем добытчикам информации, поэтому разведчики роем носятся по городу. Некоторые агенты работают на несколько разведок, враждующих между собой стран. Идет невидимая жесточайшая война. По добыче информации, дезинформации друг друга, дезориентации, отвлечения сил и средств противника на негодный объект.

Когда открывал, по заданию Центра, это кафе, предлагал использовать вай-фай в наших интересах. При получении доступа в Интернет необходимо авторизироваться. Небольшая доработка, и можно спокойно скачать, втайне от владельца, все его контакты телефона. Но Москва запретила. Вся Западная Европа находится под контролем американской системы «Эшелон». Звонки, электронные письма, сообщения, абсолютно все под тотальным контролем этой системы. И подозрительная активность в кафе неподалеку от штаб-квартиры НАТО может вызвать интерес.

Немцы, французы, контрразведка НАТО проверяют любопытных и подозрительных. А после террористических актов исламистов все стали маниакально подозрительными,

осложнили работу честным разведчикам.

Зато все новые лица, которые заходят ко мне на кружку пива или кофе, я отправляю в Москву. Те опознают и сообщают, кто из них представляет оперативный интерес.

Также неоднократно предлагал установить на барной стойке или в каждом столике аппаратуру по считыванию информации с телефона. Нередко люди выкладывают свои смартфоны на стол. Вот и скачивай все, что там есть. Тихо, незаметно, эффективно. Запретили. Ты тут крутись, как хочешь, чтобы выполнить задание, а они по рукам бьют.

В 2010 году в США сбежал полковник Потеев, служил в СВР, возглавлял отдел нелегальной разведки в США и на всем американском континенте. Официально было заявлено, что он выдал 80 нелегалов. Но это лишь верхушка айсберга, на самом деле их было гораздо больше.

СВР пришлось проводить перестановку разведчиков. Перекидывать из одной страны в другую. Менять документы. Многие были вынуждены прервать работу и вернуться в Россию. Большинство операций было свернуто.

Официально за кордоном работают только СВР и ГРУ. ФСБ лишь обеспечивает контрразведывательное прикрытие на территории дипломатических представительств. Но это официально. А неофициально... «Разрешается проводить разведывательные операции в интересах контрразведки». Фраза из закона мутная, расплывчатая, непонятная. Как туман утром над заливным лугом. И чего там в этом тумане

видно? Только какие-то непонятные тени.

Вот и я работал нелегалом во Франции, когда случилось предательство Потеева. СВР, часть разведчиков ГРУ были вынуждены спешно покинуть славную страну Бельгию. Тем самым оставили без прикрытия головной офис НАТО в Брюсселе. Также было неизвестно, «засвечена» агентура или нет. Ее перевели в категорию «консервов» на неопределенный срок.

Агентура – самое ценное, что есть у любой спецслужбы в мире. Она – основной поставщик информации. Казалось бы, в эпоху всеобщей открытости средств массовой информации Интернет располагает всеми тайнами. Только вот он преподносит уже устаревшие сведения. И не эксклюзивные. А здесь нужна информация свежая, раскрывающая планы противника на будущее.

Есть хрестоматийный пример, когда нашему разведчику, под дипломатическим прикрытием, удалось завербовать охранника, который сопровождал вывоз бумажного мусора из здания НАТО по адресу: Бульвар Леопольда III 1110, Брюссель.

Как положено по инструкции, все документы, черновики пропускали через уничтожитель бумаг – шредер, который добросовестно превращал их в «лапшу». Кому нужны такие документы? Только для набивки сувениров.

Но специалисты в Москве восстанавливали документы целиком. Просто, элегантно, красиво. Потом случился про-

вал... И в НАТО уже стали измельчать документы в мельчайшую пыль, муку. Вот теперь уже точно никто и ничего не прочитает. Но я отвлекся.

Во Франции моя работа для прикрытия носила разъездной характер. После получения нового задания я осел на одном месте. Но никому в голову не пришло, что я должен свернуть, передать кому-то на связь имеющуюся агентуру во Франции. Говорят, что летчик на двух самолетах сразу не летает. Так то летчики, а разведчик-нелегал летает. И еще как летает! С фигурами высшего пилотажа!

Открыть кафе? Проще простого. Берешь чемодан денег, приезжаешь в другую страну, арендуешь помещение, покупаешь оборудование, делаешь ремонт, нанимаешь персонал, завозишь товар и торгуешь. Сам стоишь за барной стойкой, периодически пропускаешь по паре стопочек или кружек пива. Но это только в кино. Откуда у француза деньги на открытие кафе в центральной части столицы соседней страны? Честно признаться, что привез связной из Москвы? Так не пойдет. В банк за кредитом. Самому делать ремонт нельзя! Нанимай работников с лицензией!

Надо сказать, что в Бельгии все специалисты очень узкого профиля. Например, когда заказал подключение к Интернету, то через неделю пришел специалист, который проложил кабель. Через две недели меня подключили к Интернету, а позже пришел другой сотрудник, который настроил оборудование в кафе. Подключение у меня заняло почти полтора

месяца.

В Бельгии очень высокие зарплаты и не менее высокие налоги. Многие восхищаются, что в кафе «семейный подряд». Подростки носятся по залу, убирают посуду, протирают столы, пыль на столах. Так дешевле, чем нанимать персонал. А еще в Бельгии большие социальные гарантии у населения. Особенно замечательная здесь медицинская помощь. Платишь страховку. После каждого посещения врача сдаешь оплаченные счета, и тебе все деньги возвращаются. То же самое и с лекарствами. Полное возмещение.

Хорошо, с точки зрения работника. А вот с точки зрения работодателя – не очень.

Вот и открыл кафе неподалеку от штаб-квартиры НАТО. Теперь встал вопрос, как привлечь посетителей к себе в кафе? Именно офицеров из штаб-квартиры. Стоять на входе и раздавать листовки? Конечно, можно, но заинтересуешь полицию и контрразведку. Простые туристы мне не нужны.

Предложил своему начальнику вариант: каждые две недели экспонировать на стенах кафе тематические плакаты и фотографии.

Все они брались напрокат в исторических обществах, у частных коллекционеров, потомков движения Сопротивления. Бельгия сопротивлялась гитлеровскому вторжению девятнадцать дней. Потом появилось множество групп, группочек Сопротивления. Я сделал упор на «Белую бригаду» – сторонников короля Леопольда III. Того самого, на бульваре

чьего имени была дислоцирована штаб-квартира НАТО.

Особо примечательным она не прославилась, в отличие от бригад коммунистов, партизанских отрядов из бежавших из концлагерей советских военнопленных или партизан, которых поддерживали Англия и США, но сам факт патриотизма в кафе нужно было подчеркнуть. А также отметить вклад союзников в освобождение Бельгии.

Но поначалу я добился иного эффекта. Честно, даже не ожидал, что так получится.

Кто-то из посетителей рассказал дома, в школе о моем кафе, и учителя истории стали водить сюда на экскурсию детишек разновозрастных. Мало того, прямо между столиков с посетителями проводили уроки. Я боялся, что немногочисленные завсегдатаи исчезнут и я останусь вообще без выручки. Но они и сами внимательно слушали, и даже вставали из-за столов, чтобы ребятишки поближе подошли и рассмотрели плакаты и фотографии. Впоследствии оказалось, что там были и дети сотрудников Североатлантического альянса. Они рассказали дома, родители заскочили на бизнес-ланч, кто-то забрел вечером на кружку пива. Сами будучи военными, эти посетители с удовольствием рассматривали экспозицию, общались между собой, с персоналом.

И я начал поставлять их фото в Центр, а также лично начал завязывать с ними знакомство.

Следующей выставкой были карикатуры США, Великобритании, Франции на фашистскую Германию. Детей уже

не приводили, но понравилось военным из штаб-квартиры с Бульвара Леопольда III.

В это же время пришло указание сблизиться с подполковником из Эстонии, который входил в представительство НАТО.

Роберт Артурович Тамм был из семьи кадрового офицера. Поступил в N-ское военное училище перед самым развалом Советского Союза, окончил его, успел повоевать в Чечне. Зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Женат на русской, у них сын. В 1997 году выехал на постоянное местожительство в Эстонию, поступил на службу в Армию обороны Эстонии. Жена не сумела адаптироваться, развелась и вернулась вместе с сыном в Россию.

Тамм принимал участие в боевых действиях в составе НАТО в Афганистане и Ираке. Отмечен боевыми наградами. Тогда и приглянулся объединенному командованию. С 2010 года входит в представительство НАТО от Эстонии. Неоднократно привлекался к планированию операций сил альянса в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Неоднократно выступал наблюдателем на учениях в России.

Сын окончил то же училище, что и его отец и два деда. Проходит службу в дивизии ВДВ, дислоцированной в Пскове. Во время поездки сына (Тамм Евгений Робертович) к деду – отцу матери – в Минск была организована встреча с отцом.

Провести встречу с использованием средств объективной

фиксации не удалось.

Впоследствии источник, внедренный в ближайшее окружение Тамма-младшего, сообщил, что во время встречи отец был подавлен, когда узнал, что сын проходит службу в Псковской дивизии. Настоятельно рекомендовал ему перевестись на Дальний Восток для дальнейшего прохождения службы. Вплоть до увольнения – лишь бы сын покинул территорию Псковской области. Сын ответил категоричным отказом.

Ранее были осуществлены вербовочные подходы к обоим Таммам. В разное время, разными сотрудниками военной контрразведки. Все попытки не увенчались успехом.

Анализ информации, поступавшей в Центр, свидетельствовал о том, что на территории Эстонии готовится нечто, что может угрожать безопасности России.

Вот так и стал бывший товарищ Тамм моим заданием.

Были опрошены «втемную» все бывшие сослуживцы Тамма. Все, начиная с курсантских времен. Мы все родом из детства и все делаем какие-то ошибки. Должны же быть и у него какие-то «скелеты в шкафу».

Курсанты и молодые офицеры зачастую теряют секретные документы, случайно уничтожают их, теряют оружие или занимаются рукоприкладством. Но ничего подобного у него не было. Даже в Чечне взвод под командованием лейтенанта Тамма не понес ни одной потери. Он был фанатом службы.

С первого взгляда Тамм производил впечатление несколь-

ко медлительного. Как рассказывали, на первых курсах военного училища немного тянул слова, говорил нараспев, но к третьему курсу избавился от этого недостатка, только фамилия выдавала в нем эстонца. Все остальное – чисто русский. Владел эстонским, русским, финским, английским, бегло разговаривал на немецком.

Несмотря на свою внешнюю открытость, никогда ни с кем не разговаривал о своей личной жизни, о проблемах, никогда не жаловался, зато всегда доброжелательно выслушивал чужие проблемы, зачастую давал дельные советы.

Все отмечали его аскетизм и пунктуальность. Алименты выплачивал как положено. Когда заболела теща, выслал ей денег на лечение. Предлагал устроить в европейскую клинику и оплатить. Когда теща умерла, выслал деньги на похороны. В личных документах хранит фотографию маленького сына.

Следующей выставкой я сделал фотографии Второй мировой войны. В основном, как союзники освобождали Европу, и только два снимка о красноармейцах. Водружение Знамени Победы над Рейхстагом и как солдат расписывается на закопченной стене этого здания.

Потихоньку, не так быстро, как мне хотелось, но офицеры из моего заветного стеклянного сооружения с Бульвара Леопольда III все же стали моими постоянными клиентами.

Когда обновлялись «картины» на стенах, они внимательно рассматривали, обсуждали, комментировали. Некоторые

оставляли хорошие чаевые. Во время этой выставки я внимательно наблюдал за Таммом. Мне была важна его реакция. Он задержался у двух фотографий с советскими воинами.

Тамм стал заходить в кафе почти каждый день. Он ни с кем не вступал в разговоры, только приветствовал знакомых по службе. Садился в угол. Заказывал пиво, иногда скумбрию по-бельгийски.

Если свободных столиков не было, присаживался за барную стойку и брал пиво и сырные палочки. Пиво пил неспешно, потягивая каждый глоток. Так же неспешно и ел. Очень долго жевал каждый кусочек, зачастую, прежде чем положить в рот, нюхал его, затягивал носом аромат свежей пищи, иногда прикрывал глаза. Сидел он прямо, развернув плечи. Тамм был высок, за метр восемьдесят, широк в плечах. Годы и сидячая работа, конечно, наложили свой отпечаток. Под кителем уже был не каркас из мышц как у российского десантника, которым он был непродолжительное время, но чувствовалось, что он крепок, готов к битве. На лице виднелись мелкие шрамы. Так часто бывает, когда при обстреле лицо сечет мелкими камешками и в ранки забивается пыль и грязь. Отметины на всю жизнь.

Даже когда Тамм сидел к залу спиной, он старался контролировать, что там происходит, бросая быстрые, короткие взгляды на зеркальную стену, перед которой копошился бармен.

Было заметно, что он уклоняется от общения с американ-

цами. Двое, майор и капитан, часто заходили в кафе и вели себя громко и вызывающе. Было видно, что подполковник Тамм еле сдерживал себя, когда майор по-приятельски хлопнул его по погону. Я несколько раз просматривал этот эпизод. Тамм резко схватил руку майора, крепко сжал, потом встал и мягко отвел от погона. После чего заказал еще стопку водки, именно водки, выпил одним глотком, понюхал остатки сырной палочки, забросил в рот, затем достал деньги из кошелька, кинул на стойку, не дожидаясь сдачи, нахлобучил фуражку и быстро вышел.

Два дня он не появлялся. Я уже начал переживать, что американцы испортили репутацию моему заведению, и уже разрабатывал иные пути для встреч и установления оперативного контакта. Но, к счастью, он вернулся и стал заглядывать в кафе каждый вечер.

У меня сегодня смена экспозиции. Война НАТО в Афганистане и Ираке.

Совершенно случайно, хотя в разведке случайности встречаются крайне редко, среди снимков оказалась групповая фотография, где среди остальных был заснят, тогда еще майор, Тамм. Проще было бы, если это фото привезли из Москвы, у них большой фотоархив с Таммом, начиная с его первых фотографий. Но пришлось побегать в поисках фотографий в Европе. Нашел, упросил, заплатил. И вот увеличенные снимки готовы для размещения на стенах моего заведения.

Я встал, сделал несколько резких взмахов, потом несколько боксерских ударов по невидимому противнику! Глубокий вдох и выдох! Конечно же, я не буду устраивать поединок с бывшим российским десантником. Я люблю тебя, Тамм! Только в первую очередь меня интересует безопасность моей страны. Звучит несколько высокопарно, но если не осознавать цель, которой служишь, то можешь банально закончить предательством. Таких примеров масса. Тот же полковник Потеев. Или скандально известный писатель в Англии по фамилии Резун, литературный псевдоним «Суворов». Или резидент в Англии Гордиевский, который сдал более сотни разведчиков. Или небезызвестный Калугин. Да, много предателей. Они забыли, для чего пришли в разведку. Брюхо с Родиной спутали. Божий дар с яичницей перепутали.

Эх! Начали! Я вышел в зал и позвал:

– Эллис!

– Да, мсье.

– Ты – молодец! Выручка выше. Даже то, что не продавалось уже неделю, ты сумела реализовать! Как тебе удалось? Кому? Мне сегодня стоять вечером за стойкой, поэтому и интересно.

Эллис, польщенная похвалой работодателя, немного заделась. И начала вещать, щебетать, расписывая в лицах, как она предлагала новинку нашего заведения.

У меня в очередной раз было раздвоение, растроение сознания. Я ненавидел этот бар. Но, как владелец собственно-

го дела, я должен быть заинтересован в увеличении прибыли, поэтому слушал, кивал, отпускал реплики, подбадривая и поддерживая ее рассказ. Запоминал. Мне самому это пригодится. Не может быть хозяин хуже работника. Не может априори!

Другая часть сознания выискивала наиболее выигрышную позицию для размещения фотографий. Мне не нужно, чтобы все посетители опознали Тамма и кинулись поздравлять, окружая его вниманием, отсекая его от общения со мной. Нужно иное, чтобы только он узнал себя на снимке. Значит, подальше от окна. И не выделять освещением. И чтобы он сел за стойку, рядом с экспозицией.

Поддерживая разговор о мастерстве барменши, я стал снимать со стен предыдущие фотографии.

Пусть Эллис говорит. Доброе слово кошке приятно, не говоря уже про человека. А когда человеку, особенно женщине, дают возможность донести миру о том, какие они молодцы, надо лишь поддерживать разговор. Но искренне. Никакой тени фальши. Человек 90 процентов информации получает через глаза. И если будет ничтожное сомнение, что собеседник неискренен, вы тут же потеряете его. Пусть даже ваш визави в этот момент несет откровенную чушь, но гордится ею – будьте с ним открыты к диалогу. Покажите, что он вам интересен, и он в вас поверит. Не сразу. Постепенно. Но это произойдет. Точно так же и с бельгийцами. Внешне открытыми, но чрезвычайно замкнутыми внутри. С огромны-

ми комплексами подозрительности, маниакальной завистливостью.

Бельгийцы могут ездить на старых машинах, одеваться как попало. Женщины могут не следить за своими прическами...

Когда я проходил обучение, нам внушали, что, приезжая в страну пребывания, мы не должны строить какие-то догадки. Просто воспринимать все как есть. Никого не осуждать, не пытаться улучшить. Но... Первым впечатлением было, что собрали со всей Европы женщин с помойки. Неужоженные, непричесанные. Когда оформлял документы на открытие кафе, пришлось немного походить по инстанциям. Со мной работала одна чиновница. Пятно на кофте, волосы – как встала, так и пошла. Ни капли макияжа, ни капли духов и дезодоранта.

Все деньги бельгийцы вкладывают в оборудование квартир, домов. И гонка. Гонка за самыми последними моделями бытовой техники. И этим можно, как бы невзначай, похвастаться перед окружающими.

В гости просто так не ходят. Встречи дома назначаются за месяц-два, приуроченные к какому-нибудь событию. Через два месяца, такого-то числа, в такое-то время.

При встрече со знакомыми не обсуждаются личные, семейные проблемы. Только политика, погода и сплетни. Это бельгийцы очень уважают. Французы и немцы – невинные младенцы по части слухов.

И мои два источника в Бельгии поначалу пытались выдать слухи за проверенную оперативную информацию. Был бы помоложе и не такой опытный, мог поверить и передать в Москву. Обучил, воспитал источников. Но все равно любую информацию от бельгийцев нужно проверять. Особенно если она устная, а не документальная.

Вербовка, ее принципы – основа прописана еще шесть тысяч лет назад китайцами. Ничего нового, только используй в каждом конкретном случае. Вопрос в том, что деньги могут быть лишь началом вербовочного процесса.

Вербовка источника информации – это не только получение твердо выраженного согласия оказывать помощь разведке России. Это постоянный процесс. Ну, взял человек деньги, передал информацию. Потом у него начинается психологическая ломка, что он предает свою страну. Или просто делает нечто, что не вяжется с его принципами. Вот тут надо его поддержать, подменить понятия.

Что есть правда? У каждого человека правда – это то, во что он верит. Поэтому у каждого – своя правда. И каждый человек мечтает, чтобы его понимали. С его правдой, с его недостатками, мечтами, неудачами. И вот если он поймет, что его понимают, – тогда он идеальный кандидат на вербовку!

А задача разведчика-агентуриста убедить человека, что он делает доброе дело. Чтобы гордость от осознания собственных поступков у него была раздута. Нужно постепенно

менять его мировоззрение. Самый лучший источник – это тот, кто сотрудничает за идею. Тогда он сам уже думает, как бы больше добыть ценной и особо ценной информации.

Знаменитая «Кембриджская пятерка» работала много лет на разведку Советского Союза бесплатно. Никто не брал за помощь Советскому государству ни пенни. А их информация была бесценна.

Вот и при предстоящей беседе с Таммом нужно понять, что у него правда. Пусть он поделится ею со мной. Пусть даже не всей. Мы все носим маски и скрываем от окружающего мира истинное лицо своего внутреннего «Я», некоторые проживают жизнь, так и не могут в себе разобраться. А мне нужно понимать, чтобы строить работу в дальнейшем.

Мозг все-таки удивительная штука! Раздумывая про Тамма, внезапно всплыли слова песни из молодости:

Там, за облаками
В небе колышется дождь молодой,
Ветры летят по равнинам бессонным,
Знать бы, что меня ждет
За далекой чертой,
Там, за горизонтом, там, за горизонтом,
Там, там-тарам, там-тарам.

Тьфу! Точно не выпался! Нельзя думать по-русски! Нельзя! Даже во сне! И сны должны быть на языке проживания! Можешь бесконтрольно что-нибудь сболтнуть по-рус-

ски или во сне пробормотать. Нельзя!

И во сне нужно думать и анализировать! Есть такое заболевание «Гипертимезия». Это когда человек помнит всю свою жизнь. Каждую секунду. Говорят, что таких людей человек тридцать в мире. Врут они все. Все российские разведчики такие. Ложась спать, ты, в отличие от большинства людей на планете Земля, не пускаешь пузыри во сне, а закрываешь глаза и начинаешь прогонять свой день в деталях. Не сказал ли чего лишнего. Вспоминаешь всех людей, с кем сталкивался или мельком видел сегодня. Анализируешь тех, кого видел вчера, неделю назад, месяц. Это может быть филер наружного наблюдения. Их могут менять, чтобы ты не сумел отфиксировать его дважды за день. Но возможности полиции, контрразведки не безграничны, его снова пустят за тобой, пусть даже у него будет борода, усы, другая одежда, иной возраст, но ты обязан его опознать. Иначе – провал. А самое лучшее время для анализа – когда ты в кровати. Если у тебя в квартире незаметно смонтировали систему видеонаблюдения или наблюдают за тобой в тепловизор из соседней квартиры, то в положенное время – для наблюдателя ты спишь в своей кровати, а на самом деле ты не спишь, ты вспоминаешь, анализируешь, думаешь, сопоставляешь. Ни секунды из своей жизни нелегала нельзя пропустить. Помнить все! И всегда!..

Тем временем Эллис закончила живописать, как ей удалось продать лежалую выпивку. Слушая одним ухом, под-

дакивая, искренне восхищаясь ее ловкостью, я снял со стен постеры старой экспозиции, и мы, отнеся их в мой кабинет, вынесли новые.

Теперь Эллис, именно она, должна повесить их так, как мне нужно. Но при этом должна быть убеждена, что все сделала сама, что это ее идея.

Я вышел на середину зала, вытянул руки, растопырил пальцы и, глядя через них на стены, спросил:

– Эллис! Вы мне помогали развешивать фотографии прежних выставок. И это было очень удачно. У вас есть и вкус, и интуиция, то самое чутье, что позволяет расположить исторические фотографии так, чтобы нравилось посетителям, заставляя их расставаться со своими деньгами.

– Фотографии снова военные для военных? – уточнила она.

– Конечно! Военные любят выпить, и у них есть монета. Вне зависимости от капризов погоды и туристического сезона. Согласна?

Эллис смешно наморщила носик и лоб, изображая думу на своем челе, и проговорила:

– Да, мсье. Поначалу мы все, – мотнула она головой в сторону кухни, – полагали, что вы – сумасшедший. Все гоняются за туристами, заманивая их самыми изощренными способами, а вы изначально пошли иначе. Сразу видно – чистокровный француз. Нестандартно, элегантно, умно, изящно. И они пошли. Сначала слабым ручейком, потом больше. И

идея с детской экскурсией – это... это было конгениально! Чудесная идея!

– Спасибо, Эллис, что вы оценили мою задумку, но дети – получилось само собой.

– О, мсье очень скромный. Мы это уже поняли и оценили. И очень добрый. Поэтому мы все готовы помогать. И я тоже! Итак? Давайте сначала расставим вдоль стен...

– Думаю, что нужно выбрать самую яркую фотографию и разместить так, чтобы было видно при входе в кафе. – Я крутился на месте, делая вид, что ищу самую яркую фотографию. – Вы же сами так мне говорили, Эллис.

– Да, мсье! Я так считаю!

– И какая, по вашему мнению, заслуживает пристального внимания? – Я по-прежнему крутился на месте, а на самом деле закрывал фото с Таммом.

– Вот же! – Эллис явно нравилось выступать экспертом по выставкам и понукать своим хозяином.

Я и сам определил, что она самая яркая и будет в центре, когда отбирал снимки. Каменистая площадка, несется военный внедорожник, который население называет «Хаммер», за автомобилем шлейф пыли, из люка высунулся пулеметчик. На заднем фоне горы со снежными шапками. Фотографу удалось передать напряжение, скорость, динамику момента. Очень примечательный, позитивный снимок.

Я водрузил его по центру зала, чтобы сразу было видно. Включил светильники, отрегулировал освещение поярче.

– А теперь, Эллис, как вы мне рассказывали ранее, что-то возле бара. Что-то такое, где много деталей, яркое, привлекающее внимание. Чтобы хотелось встать из-за столика, подойти, рассмотреть и заказать чего-нибудь выпить, коль все равно возле стойки. Правильно?

– Мсье все помнит! – Она была польщена. – Думаю, вот эту! – ткнула пальцем в фотографию, где на летном поле в длинный ряд была выстроена различная боевая техника.

Красивая картинка. Яркая. Техника излучала спокойствие и мощь, силу. Много деталей, их надо рассматривать.

За час мы развесили еще полтора десятка фотографий. Самую «вкусную» с Таммом я приберег в последнюю очередь. Взял в руки, покрутил ее, выискивая место.

– Вот же! – Эллис ткнула пальцем возле стойки, ближе к кухне.

– Точно! Я уже и забыл, что там осталось место. Она не такая яркая, как остальные, там ей самое место.

Эллис подошла поближе. Рассмотрела групповой снимок.

– Вы правы, мсье, вы правы. Лица не радостные, усталые, даже не усталые – опустошенные, будто внутри все выгорело. Как будто, как святой Лазарь, спустились в Преисподнюю и вернулись оттуда. Все оставили там, а вышла только оболочка. Какая-то неприятная фотография и страшная. От нее пахнет тленом, смертью. Я даже боюсь ее! – зябко повела она плечами.

Мне пришлось рассмеяться:

– Эллис, Эллис! Все в порядке. Просто такое освещение. Я отрегулирую его, и все будет хорошо! Здесь же темно! Вот смотрите! Я включил подсветку, тени ушли, и лица на снимке стали более светлыми. – Вот видите!

– Да, мсье. Стало легче. Но все равно... Неприятная фотография! – покачала головой Эллис.

Остаток дня пролетел в хлопотах. Первые посетители появились сразу после открытия. Кому-то кофе, кто-то пил пиво. Это туристы. Были завсегдатаи – эти обедали.

Предлагал же руководству внедрить систему распознавания лиц, под легендой увеличения выручки. Заходит постоянный клиент или тот, кто был полгода назад, а система его идентифицирует и выдает меню, которое он употреблял ранее, отмечая его любимые напитки и блюда. И посетителю будет приятно, что у бармена хорошая память. Ну и мне будет тоже проще выполнять задания Центра. Ага! Хрен с маслом! Не привлекать внимания! Когда все это найдет широкое применение в барах Европы, вот тогда – внедряй! А пионером в этом деле не смей! Полиции и контрразведке станет интересно, откуда у тебя такие дорогостоящие «игрушки», тем паче рядом со штабом НАТО.

Сегодня четверг, и я пораньше отпустил Эллис, она навещает свою мать в доме престарелых. Традиция у них такая, своих родителей сдавать в дома для престарелых. Моя подчиненная хоть молодец, раз в неделю навещает. Знаю некоторых, которые только в Рождество и день рождения, звонят

раз в квартал. И при этом записывают в ежедневник, выставляют напоминание в телефоне, чтобы такого числа в такое-то время позвонить родителям.

Я выставку специально приурочил под четверг, сам встану к стойке. Хлопот много, но так надо.

Эллис заглянула, сказала, что ей пора, и я вышел в зал.

Ранее я наблюдал за реакцией вошедших, особенно офицеров в форме. Они с удовольствием рассматривали постеры, переходя от одного к другому, потягивая пиво, возле стойки бара вспоминали, что нужно еще что-то, и заказывали. Чаевые Эллис сыпались щедро. Конечно, она не все присваивала себе, половина уходила на кухню.

Только одна пара из дамочек экзальтированного вида, заглянув в кафе и увидев, что много военных и они рассматривают фронтовые фотографии на стенах, стали громко возмущаться:

– Это безобразие! Это пропаганда смерти и войны!

Английский майор, ухмыляясь, встал из-за стола, подошел к ним:

– Леди! Это не ваш формат! Не портите нам праздник, и мы не испортим ваш!

Самая наглая дамочка пару раз беззвучно открыла и закрыла рот, потом выпалила:

– Хам! Солдафон! Я буду жаловаться! – и выбежала на улицу.

Бессердечные офицеры рассмеялись ей вслед. Врыв хохот

та был такой, что перекрыл музыку, и даже мне в камерке было слышно. Дамочек я тоже зафиксировал. Пусть Центр посмотрит. Может, известные скандалистки, ходят по барам, ждут, когда их кто-то оскорбит, а потом подают в суд на заведение. Многие зарабатывают как могут.

Эллис пошла переодеваться, а я занял место за стойкой.

Вошли немецкие офицеры. Спокойствие, равнодушие. Майор и два капитана. Они удивились новой выставке. Озираются, рассматривают издали фотографии военных лет. Подошли ко мне.

– Добрый вечер, господа офицеры.

Заказали пиво, мясные закуски. Я передал заказ на кухню, налил пиво и предложил им присесть за столик. Моя задача – занять посетителями все столики. Одно место должно быть свободным.

Да, вечер обещает быть жарким. Офицеры ходят по залу, рассматривая фотографии, снимают их на камеры своих смартфонов. Обсуждают. Пересылают фото со стен и свои снимки на их фоне друзьям, коллегам. Кто-то звонит и приглашает на кружку пива. Это иностранцы. Не бельгийцы. В течение часа подтягивается народ. Зал почти полон, заполняется и барная стойка.

Приходится крутиться быстро, только успевай поворачиваться. Плюс пробежаться по залу, забрать пустую посуду, протереть стол. Спросить, не желают ли мсье офицеры еще чего-нибудь заказать.

Некоторые уже встают, рассчитываются, чаевые действительно хороши, до двадцати процентов от суммы чека. Это очень щедро для такого места и далеко не фешенебельного ресторана. Предлагаю тем, кто сидит за стойкой, переместиться за освободившийся столик.

– Мсье, полагаю, там будет удобно.

– Нам и здесь неплохо, дружище! – отвечают мне слегка хмельные офицеры стран НАТО.

– Там есть фотографии из вашего славного прошлого, вы их можете подробно осмотреть, – предлагаю я.

«Терпение – добродетель!» – так записано во многих трактатах. Ну а у разведчика – это догма. Плюс умение ждать. Это очень сложно. Я в сотый раз протираю стойку бара и все думаю: придет – не придет.

Пришел! Лицо уставшее, походка расслабленная. Кто-то в углу за столиком увидел Тамма, помахал рукой. Уф! Столик занят. Компания изрядно уже выпила и что-то громко обсуждала, тыча пальцами в фотографию с рядами техники.

Только Тамм вошел, я тут же убрал поднос с кружками. Табурет, предназначенный для него, стоял несколько поодаль ото всех. Знаю, что Роберт не любит шумные компании, предпочитая проводить время в одиночестве.

Он оглядел зал в поисках места и обратил взор на стойку бара. Есть! Направился к подготовленному месту. Снял фуражку, небрежно положил ее на стойку, растер лоб.

– Добрый вечер, мсье подполковник! Пиво?

– Да, – кивнул он.

– А закуски?

– Пока ничего не надо, – равнодушно махнул рукой Тамм и стал оглядывать зал. – У вас сменилась экспозиция?

– Да. Стараемся каждые две недели освежать.

– Это хорошо. Новые фотографии, новые впечатления.

Он продолжал крутить головой, рассматривая экспозицию, и вдруг взгляд его зацепился за фото, что висело над ним.

– Ох! Это что?!

Тамм поднялся, подошел ближе и долго стоял, забыв обо всем, рассматривая фотографию, где он был моложе на десять лет.

– Откуда это у вас? – не отрываясь от нее, спросил он.

– Как и все фотографии. Из редакций военных журналов. Они охотно дают на экспозицию свои работы. Поверьте, у них там много. Но тогда мои посетители ничего бы не заказывали, а лишь бродили между столиками, рассматривая стены.

Я прикинулся жадным барменом. Для меня все эти картинки – лишь для привлечения внимания посетителей.

– Вы знаете, кто на этом снимке?

– Нет, – пожал я плечами. – Я человек не военный. Точно так же не знаю, какая техника на других фото. Танки какие-то, пушки...

– Понятно, – кивнул подполковник.

Подумал, наклонив массивную голову. Не отрываясь, выпил почти всю кружку пива. Вытер губы салфеткой и спросил:

– Водка есть?

– Есть, – ответил я. – Вас какая интересует? Есть американская, польская, израильская, французская.

– А русская?

– Конечно, мсье. Есть и русская.

Я достал из холодильника «Столичную», поставил перед ним.

– Стакан.

– Стакан? – удивленно протянул я.

– Жаль, что у вас нет русского стакана, – огорченно покачал он головой.

– Подождите, мсье. К этой водке в подарочной упаковке прилагались не очень красивые стаканы. Я убрал их в дальний угол. – Нагнувшись, я достал граненый стакан и стопку такой же формы.

– То что надо! – удовлетворенно кивнул Тамм. – Сигареты какие самые крепкие есть?

Я достал пачку, открыл, щелкнул по доньшку, вышла наполовину одна сигарета. Спички с фирменной этикеткой и адресом моего заведения лежали в вазочках.

– Мсье курит? – вежливо поинтересовался я.

Было видно, что Тамм переживает массу эмоций.

– Мсье сегодня курит, – кивнул он. – Сейчас вернусь. Вод-

ку не убирайте и никому не давайте. Она – моя!

– Как скажете!

Роберт вышел на улицу покурить, бутылку я убрал вниз. Было видно, что он очень взволнован.

Вернувшись в зал, Тамм требовательно бросил:

– Стакан водки!

– Мсье будет пить в чистом виде или развести соком? – вкрадчиво уточнил я.

– Стакан чистой водки! Никакого сока! – Он подумал немного и добавил: – Эту стопку тоже налейте.

Мне совсем не нужно было, чтобы он быстро опьянел и привлек к себе внимание окружающих, поэтому я в ответ покачал головой:

– Мсье, позвольте заметить, что водка – очень серьезный напиток и требует к себе внимательного отношения. Не желаете заказать мясное горячее блюдо? У меня тут были туристы из России. Они сумели выпить почти все мои запасы водки и ели много мяса горячего. Я думал, что придется вызывать «Скорую помощь», потому что любой другой бы уже умер от алкогольного отравления. Но они вели себя очень прилично. И сами ушли, даже не шатались.

– Хорошо, – кивнул он. – Есть что-нибудь готовое? Чтобы не ждать. Дежурное блюдо имеется?

– Конечно, мсье. Гуляш по-фламандски, мясо, картофель, овощи.

– Только быстро!

Я сделал заказ на кухню. Подали очень быстро. Все это время Тамм сидел, задрав голову, и смотрел на фотографию.

– Наливай! – кивнул он. – Есть ржаной хлеб?

– Нет, мсье, нет. Только белый.

Я налил водку в стакан, потом наполнил стопку и пододвинул ему хлеб на тарелочке.

Тамм положил кусок хлеба на рюмку. Встал, перекрестился на католический манер, слева направо, посмотрел снова на фото, показалось, что слезы блеснули в уголках глаз, выдохнул и одним залпом выпил стакан водки.

Никто на него не обращал внимания, даже те, кто сидел неподалеку.

Он сел на табурет, охватив голову руками. Я поставил перед ним тарелку с горячим, и он начал жадно есть.

– Хлеба! – резко попросил Тамм.

Я потянулся снять хлеб со стопки с водкой, но он перехватил мою руку:

– Не трогай! Другой кусок!

Подав ему хлеб, я отошел обслуживать других клиентов. Конечно, мне хотелось быть рядом с ним. Но, увы и ах. Вернувшись обратно, я спросил, не нужно ли чего еще.

– Налей мне еще порцию водки, – кивнул Тамм.

Когда я передал ему наполненный стакан, он поднял его чуть выше головы, как бы чокаясь с изображением, затем выпил, закусил и посмотрел на меня:

– Вы знаете, кто на фото, где оно сделано и когда?

– Нет, мсье. Но, судя по вашей реакции, эта фотография вам дорога.

Он сделал глубокий вдох, загоняя рыдания внутрь, и произнес:

– Этот снимок сделан двадцать второго июня две тысячи седьмого года. В Афганистане, в долине Сангин провинции Гильменд. А на следующий день, двадцать третьего июня, двое с этой фотографии в результате ракетной атаки погибли: сержант Калле Торн и младший сержант Яако Карукс. Еще четверо получили ранения – двое из них тяжелые, они так и остались калеками. Вот что значит для меня эта фотография.

Я вышел в зал, собрать посуду, принять заказ, протереть столики, поставил в окно кухни грязную посуду, подошел к Тамму и, налив еще порцию водки, протянул ему со словами:

– За счет заведения. Я увидел, что там, на фотографии, – вы, только моложе и небритый.

– Да, – кивнул он. – Вы правы, это я. Моложе, полный идеалов. Идиот! Наивный, полный иллюзий, идеалов. Считал, что спасаю мир, планету от террористов. А сейчас эти террористы пришли в Европу под видом беженцев, и европейцы аплодируют им. Парадокс жизни. Вот и спрашивается, за что воевал я сам и за что погибли они?

– Мсье, это политика, – поддержал разговор я.

– Да. Политика. Давным-давно я воевал в Чечне. Там тоже были исламские террористы, арабы. Но в Европе твердили,

что в Чечне – рост национального самосознания, и нужно помогать партизанам против русских войск. И помогали всем миром. Помогали террористам. Там их сумели победить, но они пришли в Европу. В Чечне у меня не было потерь. Чего не скажешь про Афганистан.

– Мсье желает еще заказать горячего? – поинтересовался я.

– Давай рыбу. Мяса уже достаточно.

– Кофе?

– Давай кофе. Сделаю перерыв. – Было видно, что подполковника «развезло».

Кофе так кофе. Медленно потягивая огненный, крепкий напиток без сахара, он кивнул на бутылку водки:

– Вот вы, например, пьете коньяк, который не сделали во Франции? Или шампанское?

– Это невозможно, мсье, – усмехнулся я в ответ. – Это не коньяк и не шампанское. Это нечто в бутылке, которое так называется. Но их нельзя отнести к этим благородным напиткам.

– Согласен. То же самое с водкой. Она может быть только русской. Все остальное, как правильно заметили, некая субстанция с надписью «Водка», а не та водка, которая есть в классическом исполнении. Даже водка, выпущенная во Франции, Америке по старинным русским рецептам, уже не то. В ней нет поэзии, души.

– Чего? – переспросил я.

– Ничего, – устало махнул он. – Проехали! Забудьте! Вам не понять. – Он помолчал и снова заговорил: – Вот, фотография сделана 22 июня. Эта дата что-нибудь говорит вам?

Я закатил глаза к потолку, тщательно делая вид, что вспоминаю, и ответил:

– Вряд ли она что-нибудь говорит мне.

– Это дата начала войны Гитлера с Россией. Она тогда называлась Советским Союзом.

– А мсье знает, когда Гитлер напал на Францию – мою Родину? – резко отреагировал я.

– Нет, мсье не знает, – отрицательно покачал головой Тамм.

– Десятого мая одна тысяча девятисот сорокового года. Нас в школе учили. Сейчас в школах не учат. Вообще забыли ту войну. Ну, было когда-то. Было и прошло. Кто сейчас вспомнит про столетнюю войну?

– Тогда была первая попытка организовать первый ЕС. Германия во главе с Гитлером. Неплохо получилось же! Минимум сопротивления. Заводы потом работали на экономику Германии. На войну против Советского Союза. Сейчас ЕС, НАТО. Все работают против России. Модернизация. И все довольны. Население занято на производстве. Не лезет в политику. Нет сопротивления. Антиглобалисты объявляются нигилистами, отщепенцами, сумасшедшими. Примерно так же, как и русские, которые не идут в кильватере.

– Вы же не русский, отчего же так печетесь о них? Если я

не ошибаюсь, судя по вашей форме и нашивкам на ней, вы из Эстонии. Так?

– Правильно. Я не этнический русский. Я – эстонец. И горжусь этим. Но родился я в СССР. И считаю своей Родиной не просто маленькую республику, а огромный, великий Советский Союз! Да, тогда не было красивых оберток, как за границей. Вы же не из Бельгии? У вас акцент иной.

– Я из Франции. Француз. И живу здесь не так давно.

– Отчего же здесь, а не у себя на родине?

– Решил попытать счастья.

– Понимаю. У соседа и трава зеленее, и вода мокрее...

– Да. Мне так казалось, – кивнул я, едва сдерживая улыбку.

– И как? Получилось?

– Не совсем. Хотя и язык одинаковый с небольшими вариациями, и думают вроде так же, но не то. Местные – иные. Немного, но другие. Но я не жалею. Меня многое устраивает и нравится. И, видите, я разговариваю с вами откровенно, а местные про себя ничего не говорят. Скоро я тоже стану как все, буду только кивать и улыбаться.

– Отчего не едете домой?

– У меня кредитов, во! – чиркнул я себя по горлу ногтем большого пальца руки.

– То есть поехали за мечтой, а напоролись на скрытый риф?

– Примерно так. Но я не теряю надежду!

– Вот так и я. Вернулся в Эстонию. Думал, что республика, осознав себя маленьким, но великим народом, сумеет подняться с колен. Но я был молод, глуп, отравлен идеалами пропаганды. В СССР Эстония была великой республикой среди прочих. Все пятнадцать республик были великими. Каждая по-своему. Но они были наравне со всеми другими сестрами. Как в семье, бывает, что ссорятся, ругаются, но все родственники и помогают друг другу. Но это было давно. В прошлой жизни. А сейчас Эстония... Побирושка. Многие уезжают, вся промышленность останавливается. И армия... вся армия – это чуть больше пяти тысяч человек. Звучит смешно. Бригада. Нас пугают русской угрозой. А мы никому не нужны. Понимаете?! Не нужны! Мы так рвались в Европу, думали, что будем жить, как в Германии, Франции, Бельгии! А мы живем, как на задворках. Думали, что станем равноправными членами ЕС. А стали прислугой и плацдармом для НАТО, чтобы пугать русских. А русским плевать на нас и НАТО. Они лишь крутят всем фиги и живут, как хотят, по своему укладу.

– А семья у вас есть? – осторожно поинтересовался я.

– И семья была. Распалась. Кончилась. Из-за того, что в Эстонии решили отрицать все русское. Жена не выдержала, забрала сына и уехала. Сын уже взрослый. Самостоятельный. Более разумный, чем я. Знает, чего хочет для себя. Сказал, что он – русский и не мечется с самоопределением. Эх! Пауза кончилась! Налей! – пододвинул он стакан ко мне.

– Может, лучше еще кофе?

– Лей!

Через мерный стаканчик я налил ему чуть меньше дозы, и он не глядя махнул одним глотком.

Народ постепенно потянулся на выход. Много столиков освободилось. Но Тамм не замечал этого. Теперь надо было строить разговор как-то иначе.

– Знаете, я видел эстонцев в своем баре. Они не так пьют, как вы.

– И как же? – криво усмехнулся Роберт.

– Пиво – умеренно. На закуску снеки или рыба. Их даже и не видно. Сидят тихо, как немецкие офицеры. Вы же ведете себя так же, как русские туристы. Пьют много водки. Я держу ее в основном для коктейлей. Самые отважные заказывают «Кровавую Мери» или «Отвертку» – апельсиновый свежавыжатый сок с водкой.

– Дети, – махнул рукой Тамм. – Водкой можно обработать раны, остановить кровь, согреться. Унять тревогу и тоску, помянуть усопших, – кивнул он на стопку с кусочком хлеба поверху. – Те, кто служил в советской или русской армии, знают это. Равно как и в НАТО сидят дети. Им сказали, что враг – это Россия. Они и верят. В Эстонии нет здравоохранения. Ну, нет его. Кончилось после девяносто первого года. У кого есть деньги, ездят лечиться в Швецию, Финляндию. Вместо того чтобы вкладывать деньги в медицину, Эстония покупает оружие. Много оружия. Заманивает НАТО на свою

территорию. Отдает пашни под полигоны. И не думает, что за ее спиной ей же готовят в спину нож. Большой. Огромный! – Он развел руками, при этом взгляд у него стал трезвым, жестким.

Значит, информация косвенно подтверждается, на территории Эстонии что-то готовится. И теперь уже ни Центр с меня не слезет, ни я не отстану от Тамма. Не похищать же его и везти в Москву! Только если сам сбежит! Тоже неплохая мысль, кстати!

– Отчего же вы не поможете своей стране? – спросил я, глядя ему в глаза.

– Помочь? Эстонии? Помогать больному можно и нужно, когда он сам этого хочет. А если он упорно лезет в петлю, его вынимаешь из нее, но стоит только отвернуться, он уже снова на табуреточке, и петелька на шее, и пистолет у виска...

– Но она же ваша страна. Это как мама. Если она в силу заболевания или возраста творит глупости, вы же не бросите ее? Мы в детстве делали массу неприятных вещей, но родители нас не бросали, а помогали. Теперь наш сыновний долг помочь матери. В вашем случае – вашей Родине.

– Не брошу, конечно, – покачал головой Тамм, – но вряд ли смогу помочь. Остается только наблюдать за трагедией. Максимально дистанцироваться от этого.

– Знаете, – начал я осторожно, издалека, – недавно в Лондоне был террористический акт. На Лондонском мосту микроавтобус врезался в толпу отдыхающих. Затем из него вы-

скочили трое арабов с мачете. Известно такое оружие?

– Конечно, – кивнул Тамм. – Полумечи для рубки сахарного тростника. В умелых руках – страшное оружие. Рубяще-колющего применения.

– Так вот. Они начали крошить, крушить окружающих их людей. Когда отдыхающие в панике кинулись в бегство, арабы пошли в ближайший пивной паб и продолжили там свои злодеяния. Только один из посетителей поднялся и не побегал, а взял стул и стал отбиваться от этих животных. Задержал по времени нападавших, отвлек их на себя. Все посетители паба и персонал скрылись, сбежали. Он отвоевал им время. Спас много жизней. В одиночку.

– Прикрыл отход, – добавил подполковник, явно заинтересовавшись моим рассказом.

– Но ему было мало задержать отход, а потом погибнуть. Он перешел к атаке. И выдавил террористов на улицу, под выстрелы полиции. Всех троих отправили на тот свет. В их рай, к девственницам, или о ком они там мечтают.

– М-да. Хорошая история. Не слышал. Этого отчаянного смельчака надо наградить. Русские говорят: «И один в поле воин!»

– Один. Воин. Боец. Не за награду он бился, я так думаю, а чтобы людей спасти и самому не погибнуть.

– Наверное, парень был изрядно пьян, – криво усмехнулся Тамм.

– Так и вы не трезвы, – парировал я.

Он снова посмотрел на меня тяжелым, но уже трезвым взглядом:

– Не понял?

– Вы можете спасти свою Родину.

– В одиночку?

– Зачем в одиночку. На свете много равнодушных людей, которые хотят помочь Эстонии не попасть впросак, не натворить глупостей.

Тамм откинулся. Осмотрел уже полупустой зал. Фотографии на стенах. Еще раз взглянул на фото над собой. Потом перевел взгляд на меня и ткнул пальцем на бутылку:

– Налей!

Я плеснул уже без мерного стакана, почти полстакана. Может пить подполковник. Сразу видна русская вэдэвэшная школа.

Он взял стакан и обвел им зал:

– Я понимаю так, что все это для меня? Для разговора со мной? Так?

Рисковал я? Очень рисковал. Но я принял решение и пошел ва-банк!

– Да. Все ради вас. Или ради Эстонии. Как хотите. Конечная цель – ради мира на Земле.

– Не бойтесь, что я сейчас пойду в контрразведку НАТО или в местную SE – sûreté de l'Etat?

– Вы вольны делать все, что хотите. Я не вправе вам указывать, что делать и с кем говорить. Просто не каждому вы-

падает уникальный шанс помочь своей Родине. Спасти страну, спасти граждан своей страны, которых, как вы сами заметили, и так уже мало осталось. – Теперь я смотрел на него жестко, и мой взгляд уже совсем не был похож на взгляд благодушно-равнодушного бармена.

Тамм молчал, желваки у него гуляли под кожей.

– Кто вы?

– Я? Бармен. А вот кто вы – сами решайте. Сейчас не важно, кто я. Главное – кто вы. Подполковник, боевой офицер или...

– Или?

– Или кусок гудрона, лежащий на обочине жизни, который все пинают. Сами определитесь для себя. И вам станет легче и понятней, что делать дальше. Применяя военный термин, ответьте сами себе, в чьих вы окопах?

– Кто за вами стоит? Какая разведка? Или контрразведка?

– Скажем так. Люди, желающие мира во всем мире.

– А конкретно?

– Подполковник, вы часто проходите тест на полиграфе?

– Дважды в год, – пожал плечами Тамм. – Допуск к совершенно секретным документам. Стандартная процедура. Все проходят. А что?

– И вам задают вопрос о контактах с представителями разведки стран, не входящих в блок НАТО?

Он задумался.

– Да. Есть такие вопросы. Даже несколько. Они повторя-

ются в различных вариациях.

– Так вот мы, – сделал я упор на «мы», – в первую очередь заинтересованы в вашей безопасности, как личной, так и служебной. Чтобы вам не пришлось врать, изворачиваться, подставляться при проверке на полиграфе.

– Я настаиваю! – упорствовал он.

– Назовем так: «Фонд борьбы за мир во всем мире». Вас это устраивает?

– Какая страна?

– Международный. Поверьте, вам же легче будет проходить полиграф и иные проверки. Не знаешь – не совершь.

Он молчал. Молча показал на бутылку. Я вылил остатки в его граненый стакан, поднял на уровень глаз, сказал по-русски:

– За ваше здоровье! – и выпил.

– Вы знаете русский?!

– Я смотрю американские боевики, в которых русские все пьют водку и постоянно говорят один тост: «На здоровье!» Русские туристы, которые заходят ко мне, тоже часто говорят, как вы: «За здоровье!» Поэтому я понял, что вы пьете за мое здоровье. За это вам отдельное «спасибо».

– А ты скользкий тип. – В его голосе сквозило уважение. Я молчал. Он молчал. Потом выдавил из себя:

– Давайте поговорим. Но я много не знаю.

– Давайте завтра. И не здесь. Как вам такой расклад?

Он кивнул.

– Во сколько вы встаете?

– В пять утра.

– А потом?

Потом у меня пробежка.

– Маршрут один?

– В основном да. Но я иногда его меняю. Привычка. Профессиональная деформация личности. Считаю, что на привычном маршруте проще устроить засаду. Там много зеленых насаждений. «Зеленка». А я очень не люблю их с Кавказа. – И он поежился от воспоминаний.

– Понимаю, – кивнул я. – Как насчет того, что завтра вы выйдете на пробежку, но измените маршрут?

– Так рано встречаться? – удивился Тамм.

– А что вас смущает? Город еще только просыпается. Где вы обычно бегаете?

– Парк Волюве.

– Знаю. Хорошее место. Вы забегаете со стороны бульвара Суверен?

– Да, – ответил он и, вздохнув, добавил: – Ведь чувствовал, что за мной наблюдают. Чувствовал как волк, но не мог понять! Все-таки интуиция на войне научила многому.

– В пять десять я буду на машине возле входа в парк, сядете на заднее сиденье.

– Вы меня похитите? – Голос его напрягся.

– Зачем? – искренне удивился я.

– Если мы будем спасать страну, а то, может, и не одну,

зачем вас похищать. Я желаю вам самого лучшего здоровья и многие лета плодотворной жизни! А сейчас рассчитайтесь и ступайте спать. Вам утром на службу.

Тамм был ошарашен. Достал банковскую карту, я снял с нее деньги. Он достал из кармана несколько купюр, бросил на стойку и громко, чтобы слышали в зале, сказал:

– На чай!

Голос пьяный, немного развязные манеры. Хорошо играет. В меру.

– Благодарю, мсье. Очень щедро с вашей стороны, – улыбнулся я как бармен, получивший хорошие деньги.

В течение часа посетители очистили зал. Была уже полночь. Я отсчитал половину неплохих чаевых, зашел на кухню, смена уже сворачивалась. Шеф-повар, назовем его так, хотя до «шефа» ему далеко, Михаэль, вопросительно посмотрел на меня. Я поблагодарил всех, отдал ему долю чаевых, и, увидев, что сумма приличная, все зааплодировали.

Сел в машину и поехал домой. Спать.

Я еще не подготовил сообщение в Центр о поездке во Францию. Завтра. И про одно, и про другое мероприятие. Вдруг он притащит контрразведку? Чужая душа – потемки. Хотя я наблюдал за ним, анализировал, не должен... Спать!

Подсознание анализировало прошедший день, прошедший разговор. Попутно вспоминалось, кто и как из посетителей вел себя, может, кто-то обращал внимание на нас, прислушивался. Я этого не заметил. Спать!

Приснился мне мой дед. Старинного дворянского рода. Лазарев.

Давным-давно при царе-батюшке было Жандармское управление, при котором имелось восьмое охранное отделение. На всю Российскую империю – тридцать два офицера. Тридцать два оперативных сотрудника. Немного. Но работали эффективно. Они внедряли своих агентов во все политические партии, движения, кружки, во все слои общества. Контролировали, а порой и управляли процессами.

Азеф Евно – оперативный псевдоним как агента «охранки» «Инженер Раскин» – сдал массу боевиков-эсеров.

Среди всех партий были источники информации. Но любая разведка или контрразведка работает в интересах или по заказу высшего политического руководства страны. И хоть контрразведчики докладывали, сигнализировали, что ситуация в Российской империи выходит из-под контроля, чревата взрывом, революцией, царь и правительство все игнорировали. В результате случилась Февральская революция.

В тот же день все архивы восьмого отделения Жандармского управления сгорели, причем дотла. И личные дела офицеров тоже пропали бесследно.

Никто не был пойман, задержан. Растворились в воздухе. Только один был задержан. В Киеве. Мой дед.

Его жена была беременна. Тяжелая беременность, тяжелые роды. И сыпной тиф... В сыпном бараке умерли и жена, и трехмесячный сын.

Деда опознал его бывший агент из эсеров. Деду повезло, он выжил и только-только оклемался от тифа, поэтому был еще сильно ослаблен. Его бросили в киевскую тюрьму, в одиночную камеру. Сам Петлюра хотел лично его допрашивать. Надо же! Целого жандармского офицера поймали! И непростого, а из «охранки»! Важная птица!

Об этом напечатали местные газеты. Даже советская власть тут же обратилась через посредников к Петлюре с предложением обменять или выкупить деда.

Двое суток он провел в камере, а потом исчез. Из закрытой камеры. Из охраняемой тюрьмы. Больной, ослабленный. Испарился, растворился.

В тридцатых годах советская власть через зарубежную прессу обращалась к названным офицерам, просила вернуться домой или выйти на связь с советскими представительствами. Обещали полную реабилитацию, деньги, славу, почет, пенсию. Никто не откликнулся в то время на этот призыв. Знаю точно, что информация об этих людях в России до сих пор засекречена, хотя прошло уже почти сто лет.

Дед «всплыл» во Франции. Только уже не как русский эмигрант, а как француз. Имел в собственности два доходных дома. Снова женился. Кстати, тоже на русской и тоже из дворянского рода. Вот и получается, что я насквозь дворянин, и кровь у меня цвета медного купороса. А я тут барменом пыль со столиков смахиваю и раскланиваюсь за щедрые чаевые.

В 1937 году у деда родился сын. Мой отец. Дед понял, что Гитлер не успокоится, и после оккупации немцами Судетской области Чехословакии отправил свою жену с годовалым сыном в Советский Союз. С письмом, в котором рассказывал, кто он и предлагал помощь разведчика-нелегала в Европе.

Бабушку с отцом отправили жить в Ленинград... А потом началась война и больше чем девятьсот дней блокады города. Голод и холод...

Бабушка умерла и похоронена на Пискаревском кладбище. Отца вывезли в Горький, в детский дом.

Дед активно работал на советскую военную разведку. Свои доходные дома во время захвата Франции он предоставил немецким офицерам. Что использовалось для получения информации и легло маленьким кирпичиком в общую победу над фашистами.

После освобождения Франции деда обвинили в коллаборационизме. Ему пришлось продать за бесценок свои дома и уехать в деревню. Там он купил шато и поднял его. Вино его марки приобрело популярность. А потом приехал к нему сын. По легенде, войну он пережил в Австралии, там и получил первое образование, женился.

Так и зажили они втроем, три разведчика-нелегала советской разведки. Наверное, уникальный случай. Когда семейная пара нелегалов – нормально, а вот когда в двух поколениях... Ненормально.

Там же родился и я. По достижении десятилетнего возраста уехал с дедом в Советский Союз. Официально – думаете, куда? Ну, конечно же – в Австралию! К родителям моей мамы. Она же у меня коренная австралийка! Конечно, никаких родственников там у меня нет.

И вот в славном городе на Неве я прошел подготовку. Многому меня обучал сам дед. Я видел, с каким почтением, с какой учтивостью с ним общались, а мне говорили, чтобы я гордился своим дедом. Какой он уникальный человек и как много сделал для Родины!

Я гордился. И осваивал нелегкое ремесло разведчика-нелегала. После вернулся к родителям. Я с ними, конечно, и так встречался, они приезжали в отпуск. Но это были недолгие встречи. Мы вчетвером почти не спали, говорили, ходили по городу. Дед рассказывал нам про памятные места его молодости. Показывал фамильный дом. Конечно, там уже жили другие люди, но все равно приятно было стоять возле своего родового гнезда и осознавать, что мои предки жили здесь и как много они сделали для своей страны.

Работа в шато давала возможность отцу разъезжать по всей стране, не вызывая подозрений. Прикрытием поездок было налаживание новых каналов поставок вина.

Отца с мамой отозвали в Союз, а мне было поручено продать семейный бизнес и заняться иной деятельностью. Что я и сделал. В глазах окружающих я читал осуждение: дед поднял с колен полуразвалившееся хозяйство, отец продолжил,

а сынок-повеса все загубил. Невдомек им было, что вкус вина придают лозы из советской Грузии и Абхазии. Именно купаж с добавлением этих сортов винограда и ценился у знатоков и выгодно отличался на фоне конкурентов.

Дед похоронен на старинном кладбище в Санкт-Петербурге – Лазаревском. Там же покоятся и многие его предки. Не такой величественный памятник, как окружающие, на его могиле. Но, как он любил говорить мне маленькому: «Человек не велик памятником могильным, а делами своими и памятью о нем!» Мне часто стал сниться мой дед. Великий разведчик, великий патриот.

Родители живут под Санкт-Петербургом в своем небольшом доме. Мама хоть и на пенсии, но до сих пор преподает в университете на кафедре иностранных языков, занимается переводами на французский.

Папа тоже на пенсии. Очень любит возиться в саду. Многолетняя привычка работать на земле во французской деревне осталась. Он пытается вывести виноград в северных широтах, но получается плохо. Также осталась привычка к хорошему вину. Иногда отец исчезает на несколько месяцев. Соседям говорит, что навещает свою многочисленную родню по всей России. Прежняя служба периодически привлекает его для выполнения отдельных мероприятий. Даже у меня поработал связным, когда нужно было передать срочно информацию в Центр, а тайниковый способ не подходил.

В Петербурге и его окрестностях проживает много потом-

ков славных дворянских родов. Высоко посаженная голова, ровная, как будто лом проглотил, спина, хорошие манеры. Это никого не приводит в ужас в культурной столице, наоборот, вызывает уважение. И мои родители с их манерами прекрасно вписываются в местную среду.

Будильник разбудил меня в четыре утра. Которая по счету у меня уже бессонная ночь? Можно, конечно, открыть замаскированный контейнер, где лежат специальные таблетки, которые дают гарантированно семьдесят два часа бодрствования. Только потом столько же времени нужно спать, иначе сорвешь нервную систему в ноль.

Ну ничего. Мы уж как-нибудь привычными средствами обойдемся. А специальные лекарства, разработанные в секретных лабораториях, оставим на потом. Даже «сыворотку правды», которая также припрятана в тайнике под видом безобидных инъекций, оставим на иное время. Душ, кофе с чайной ложкой коньяка, да простят меня французы, что я так обращаюсь с десятилетним напитком, витамины, бутерброд. В глаза капли, чтобы снять красноту глазных белков. Голову вправо, влево, назад, вниз. Уши растереть. Ехать по пустому городу десять минут. Но мне нужно не просто доехать до места и взять пассажира. Я же не таксистом работаю.

Круг в три квартала вокруг предполагаемого места встречи, и я, оставив машину, иду пешком прогуляться по парку. Вроде тихо. Нет времени извлекать сканер радиочастот, чтобы прослушать эфир. Операцию проводят люди, а они со-

вершают ошибки. Болтают в эфире. Выходят из машин, чтобы размяться, покурить. У всех разная степень подготовки, и все по-разному относятся к выполнению задания.

Но – тихо! Я дал слишком мало времени контрразведке для подготовки мероприятия по моему захвату. Если допустить, что Тамм отправился к контрразведчикам, после полуночи не так легко всех быстро собрать в одном месте, расставить людей, проработать различные варианты. И надо еще поверить ему. В подполковнике сидело полкило водки, а это уже немало для нормального организма.

Могли запустить и «дрона», чтобы с высоты фиксировал встречу. Камеры наружного наблюдения в этом районе после терактов меняли на цифровые, так что можно было не переживать, что засекут. Сейчас, на короткий срок, район остался без средств объективной фиксации – старые камеры городские власти сняли, новые не установили. Но есть камеры у магазинов, баров. С них тоже просто снять происходящее. Но на это нужно время. У меня был небольшой запас этого ресурса. Форс.

Еще раз прогоняя разговор с Таммом, никак не входило, что он должен был метнуться в органы безопасности и писать явку с повинной, что его хотят завербовать неизвестные злыдни под личиной доброго бармена.

Ладно, с Богом! Бог не выдаст, свинья не съест. На наручных часах пять часов. Поехали! Я вернулся к машине, завел мотор и двинулся в сторону парка, из которого только что

вышел.

В спортивном костюме цвета национального флага своей страны бежал Тамм. Вокруг него никого не было. Он бежал легко, размашисто, экономя силы. Так бегут спецназовцы на марш-броске. Носки кроссовок чуть внутрь, чтобы ноги не так быстро уставали. Старается дышать носом.

Я подъехал к нему, остановился в двух метрах впереди. Так и крутилась фраза на русском языке из фильма «Бриллиантовая рука»:

– Такси на Дубровку заказывали?

Но не стал хулиганить. Тем паче что до конца не уверен в благоприятном исходе дела.

Я опасаясь его, он боится меня. Взаимное недоверие – это нормально на вербовочной встрече.

Тамм, не снижая темпа, подбежал к машине, рывком открыл заднюю дверь, влетел в салон, и я тронулся с места.

– Доброе утро, – сказал, повернув к нему голову. – Удалось поспать?

– Не очень. – Вид у него действительно был изрядно помятый.

«Что же вы, ваше благородие, так нарезались-то вчера, а?!» – мелькнула мысль. Да и «выхлоп» водочного перегара у него солидный.

– Давайте поговорим, – продолжил я.

– Мне нужны гарантии, что Эстонии не будет нанесен вред, – угрюмо посмотрел он в водительское зеркало задне-

го вида.

– Во-первых, я не знаю, о чем идет речь. Во-вторых, я же сказал, что организация, которую я представляю, против войны в любых формах. За мир во всем мире. Думаю, что вы как военный тоже разделяете эти взгляды. Потому что военные и их подчиненные погибают на поле боя за промахи политиков, за их неспособность договориться. И из-за амбиций военно-промышленного комплекса. Люди гибнут за металл. Если вам нужны гарантии, то расскажите мне все, что знаете, а мы подумаем, как нам обезопасить вашу страну. Договорились? Я внимательно слушаю. Но для начала уберите, пожалуйста, все, что у вас есть в карманах, в металлическую коробку, что лежит на полу. Пожалуйста, – с нажимом добавил я.

Он нагнулся, поднял коробку, откинул крышку и начал вытаскивать из карманов телефон, ключи, положил все и закрыл крышку.

Коробка была со свинцовым напылением. На дне установлен датчик давления, который включал систему подавления сигнала. Изнутри ни одно радиопередающее устройство не могло ничего передать. Стандартная мера предосторожности. Также внутри автомобиля был установлен сканер выявления радиосигнала. Я посмотрел на панель приборов: горел зеленый светодиод. Значит, все в порядке, можно разговаривать.

Тамм вдохнул полную грудь воздуха, как перед прыжком

в воду, затаил на секунду дыхание и начал:

– Часто со мной советуются по политическим и военным аспектам по России и Эстонии. Три месяца назад меня вызвали в отдел анализа и планирования специальных операций и попросили охарактеризовать русское меньшинство в Эстонии, их возможное поведение в случае массовых беспорядков. Насколько вероятно проведение референдума по присоединению отдельных территорий Эстонии и других прибалтийских республик.

Он замолчал.

– И это все? – Я был разочарован.

О таком сценарии власти трех республик трубили во всех средствах массовой информации, тем самым усиливая давление на оппозицию и на «не граждан» их стран.

– Также их интересовало, как поведет себя население в случае химической атаки со стороны России, – продолжил Роберт. – В частности, со стороны Псковской области.

– И это все?

– В общих чертах – да.

– Понятно. И каков был ваш ответ?

– Я сказал, что не исключено, что не только русские поддержат референдум, но и часть эстонцев тоже. Потому что ожидание праздника – лучше самого праздника. Вступление в единую Европу и в НАТО не принесло Эстонии тех возможностей и того уровня жизни, на которые они рассчитывали. А про химическую атаку сказал, что только глупец может

применять боевые отравляющие вещества. Население будет умирать и паниковать.

– Это все? – повторил я. Тамм начинал уже меня раздражать.

Конечно, источник в НАТО нужен, пусть даже и представитель ничего не решающей страны, но имеющий доступ к небольшой информации, – это лучше, чем ничего. И я не собирался отступать. Но вот так проводить вербовочную беседу «на бегу», глядя периодически в зеркало заднего вида, – не дело. С кандидатом на вербовку, с конфиденциальным источником, иначе «конфидентом», нужно общаться не менее пары часов, глядя в глаза, понимая, где он лжет, утаивает информацию, пытается сознательно донести до меня дезинформацию, двурушничает, или откровенно встал на путь предательства. Некоторые источники, получая денежное вознаграждение за информацию, «подсаживаются на “денежную иглу”», а добыть ничего стоящего не могут. Утратили оперативные возможности, вот и начинают врать, придумывать, вытягивая деньги. Только личная встреча может помочь выявить ложь. А сейчас... кажется, я не профессионально поступил. Но Центр «давит», получая обратную связь и буквально пиная меня.

– Так, давайте спокойно, без суеты. Кто вас приглашал? Кто конкретно разговаривал?

– Были три офицера из Стратегического командования НАТО, из отдела анализа и планирования специальных опе-

раций...

– А вы в какое подразделение входите? – спросил я, хотя ответ и так знал.

– В «Постоянный Комитет планирования НАТО». Как все военные представители. Так вот. Три офицера. Два американца и один британец. Их я давно знаю, пересекались на совещаниях и учениях. Специалисты по Восточной Европе и России. И еще был один штатский. Его часто привлекают при разработке операций. Томас Браун. Немец. Говорят, что лучший ученик американца Стивена Манна. Вы знаете их?

– Потом. Сейчас мало времени. Продолжайте!

– Они меня долго расспрашивали о моей службе в России, об опыте боевых действий в Чечне. Потом про Афганистан. Я потом уже понял, что они проверяли мою лояльность. Нет ли у меня симпатий к России. Спросили про семью... Сказал, что давно уже не поддерживаю отношений. В России сказать, что твой отец или бывший муж входит в представительство НАТО, – навлечь массу неприятностей. Потом долго расспрашивали про Эстонию. Какой мой взгляд на отношение людей к ЕС, НАТО. Ответил честно, что они разочарованы. И даже качество лекарств в Германии, Франции выше, чем в Эстонии. Да что там лекарства! Банальный стиральный порошок и тот лучше! Из-за санкций против России и контрсанкций многие предприятия закрылись. Люди нищают. Всем говорят, что Россия во всем виновата, но многие считают иначе. Ну а потом стали меня опрашивать на

предмет, если появятся «зеленые человечки», как в Крыму, то есть военные без опознавательных знаков принадлежности к какой-либо армии, если местные повстанцы из русских захватят административные и военные объекты, какова будет реакция населения? Поднимутся они или нет на защиту своего суверенитета? Я честно ответил, что очаги сопротивления, безусловно, будут, но незначительные. Особенно ближе на восток, где сильны пророссийские воззрения, почти ничего не будет. Тогда они стали меня спрашивать, изменится ли настроение в случае применения русскими химического оружия? Ответил, что русские не будут применять химическое оружие массового поражения. И нет у русской армии такого опыта применения. Тут надо понимать менталитет местных в Эстонии. Они с тем, кто сильнее их. Они на стороне победителей. Был сильным Сталин – они его приветствовали, пришел Гитлер – с цветами и радостными визгами. Вернулась Красная армия – снова цветы. Из прибалтийских республик эстонцы первыми отчитались перед Шикль-грубером о том, что всех евреев уничтожили. Не все, конечно, но в большинстве своем. У меня в крови намешано много наций. По мужской линии – эстонцы, вернее, носители фамилии Тамм. Но замуж все брали русских, литовок, белорусок, были и польки, норвежки. Так что внутри у меня интернационал. У самого жена наполовину русская, наполовину белоруска. Люблю Эстонию, но часто не понимаю, оттого и ненавижу аборигенов. Ждут, когда им все принесут на под-

носе. А когда этого нет, то бегут за лучшей долей из страны. Не хотят на месте ничего менять. Вот также и с оккупацией Россией. Никто не будет сильно сопротивляться. Если пришли русские, значит, они сильнее НАТО и ЕС. Все помнят заводы, фабрики, что были в СССР. Бесплатные квартиры и образование. Поэтому пусть медведь с шакалами воюет, а мы посидим, покурим, понаблюдаем и к победителю с цветами подбежим, пнем поверженного врага. Как в китайской поговорке: «Мудрая обезьяна сидит на горе и наблюдает за битвой тигра и льва. А потом спускается и присягает победителю либо добивает оставшегося в живых раненого». Как с Советским Союзом получилось. Только почувствовали, что медведь ранен и ослаб, тут же переметнулись на другую сторону. Менталитет такой у маленького народа. Примерно так я и рассказал. Не очень-то им понравилось.

– Что еще?

– Точно знаю, что они интересовались подобными вопросами у литовского представителя. Мы часто встречаемся на совещаниях, да и сверяем информацию, когда докладываем в свои Главные штабы. Должна же быть одна позиция на совете. У латышей тоже интересовались. Все примерно одинаково обрисовали картину.

– С кем конкретно вы общаетесь?

– Подполковник Петраускас Лукас.

– И каково его мнение было?

– Примерно такое же. Хотя нас просили не обсуждать ни

с кем этот разговор. Петраускас до разговора со мной пообщался с представителем от Латвии Эдгарсом Озолиньшем. То же самое. Будет война гибридная, население, в большинстве своем, будет пассивно наблюдать. Латыши более открыты и честны. Литовцев у нас за глаза называют «цыганами». Точно так же, как норвежцы, датчане, шведы кривят рот, но не признают финнов скандинавами, за спиной шепотом называя «чухонцами». Но у всех представителей стран Прибалтики в НАТО на удивление оказалось одно мнение.

– Ваших визави это удовлетворило?

Он задумался.

– Знаете, я понял так, что офицеры спокойно отнеслись к этому. А инициатором был Браун. Он очень эмоционально реагировал. Он не понимал, отчего население будет спокойно сидеть, и постоянно повторял: «С таким сознанием хаос не посеять!»

– Вы общаетесь с Брауном?

– Несколько раз встречались. Случайно. Он – фанатик шахмат. Постоянно носит с собой планшетный компьютер и разыгрывает на нем шахматные партии. Там, где нельзя проносить электронные устройства, достает карманные шахматы и разыгрывает сам с собой этюды. Вы играете в шахматы?

– А вы?

– Немного. Научился в армии. Браун сидел как-то рядом, я подсказал ему два хода. В армии научился. Но шахматы не люблю.

– Отчего так?

– Знаю, что древние в Индии придумали, чтобы развивать стратегическое мышление у генералов. Но не для современных военных они. Сделал ход и жди ответный от противника. В современных войнах не надо ждать ответного хода, а действовать, наступать, отступать, маневрировать, использовать фланговые кинжальные удары, отрезая войска от тыла. В шахматах каждая фигура может двигаться лишь по правилам. В современных войнах все иначе. Кто действует по правилам – проиграл. Точно так же, как и с Крымом. Отчего весь мир прозевал момент присоединения? Потому что действовали нестандартно. Средства радиоконтроля НАТО не зафиксировали никаких приготовлений к захвату. Все было сделано на высшем уровне организации. Потом несколько месяцев здесь, в Брюсселе, тщательно изучали опыт русских. Меня неоднократно привлекали, чтобы я прокомментировал. Но я сам был в шоке от организации этой операции. Это уже другая армия, не та, что была в Чечне. Точно так я и заметил, что в случае захвата Прибалтики русскими, в чем я глубоко сомневаюсь, не будет применена эта схема, все будет иначе. Вот Браун и решил внести этот новый элемент – химическое оружие. Но это бред! После того как я подсказал ему пару ходов, которые он не видел, он проникся ко мне уважением, что ли. Доверием. В столовой пару раз обедали. Вернее, я обедал, а он все рассказывал про теорию хаоса, вернее, про управление им. Вам интересно?

– Продолжайте.

– По его словам, вся система управления обществом давно уже прогнила. И сейчас должна прийти новая формация. Он – агрессивный прозападник. Даже Бог – сторонник Хаоса. Была какая-то большая устойчивая система. Она как-то функционировала. Но пришел Бог и сказал: «Да будет свет!» И произошел Большой взрыв. Что есть взрыв? Это и есть хаос. Любая граната, снаряд – устойчивая система с элементами взаимодействия, находящаяся в состоянии покоя. Но именно взрыв, хаос, приводит в действие массу случайных и запланированных факторов, которые рожают новые устойчивые системы. В результате Большого взрыва из одной большой устойчивой системы появились миллионы других стабильных систем – наша Вселенная, наша планета. Так и со странами, обществом, экономикой. И тот, кто управляет взрывом, – управляет миром. Управляешь хаосом – управляешь миром. Сложившаяся система ценностей, типа христианской морали, не позволяет им управлять, поэтому нужно внести корректировки, которые разрушат эту устойчивую систему. Поэтому Содом и Гоморра теперь уже города-герои, а не источники греха. Точно так же надо менять существующую систему государств «направленными взрывами», которые должны управляться высшей расой – англосаксами и народом Израиля. Хотя он сам немец, но почему-то причисляет себя к ним. Все остальные страны и народы должны помогать, либо погибнуть, или стать разменной монетой на пу-

ти господства. Он активно помогал в Тбилиси и в Киеве во время всех их революций и волнений. Типа полигона, обкатки технологий. У него получилось. Он стал одним из авторитетнейших экспертов в Европе в этой области. И многие сквозь пальцы смотрят на его чудачества. Порой несколько эпатажный вид и поступки.

– Вы можете с ним завязать более тесные отношения, чтобы попасть в группу разработки управления хаосом?

Тамм внимательно посмотрел на меня в зеркало.

– Могу. А зачем?

– Вы же военный. Если что-то замышляется против вашей родины, нужно понимать, чтобы принять оборонительные шаги, предотвратить катастрофу. Например, как на Украине.

– Понятно, – кивнул он головой.

– И еще. Чтобы понимать ваш потенциал возможностей, не могли бы вы написать, к каким документам, сведениям имеете доступ. Только не пользуйтесь компьютером, а ручкой. И нижние листы потом надо будет уничтожить. А также какие у вас связи в штаб-квартире. С кем контактируете, их данные, телефоны, все, что посчитаете возможным.

Повисла неловкая пауза.

– Так все-таки вы меня вербуете? В России меня военная контрразведка пыталась завербовать, чтобы я «стучал» на своих товарищей. Я отказался!

– Я не прошу вас «стучать» на своих товарищей, а предлагаю совместно обезопасить вашу родину – Эстонию. Может,

заодно и другие прибалтийские государства. Нельзя втянуть мир в хаос Третьей мировой войны. Я же говорю, что мы – за мир. Вы сами понимаете, что начинается какая-то большая игра, которая закончится кровью ваших сограждан. Ради новой формации могут принести в жертву тысячи жизней эстонцев. А чтобы иметь представление о картине, надо понимать ваши возможности. Не требовать же от вас схемы расположения «Минитмен-3» в США или места расположения американских подводных лодок типа «Огайо» в Мировом океане? – Перехватив его удивленный взгляд, я пояснил: – Мы же за мир во всем мире. Не исключено, что они же и будут наносить удары по русским войскам в Эстонии, если таковые найдутся. Вот тогда от Эстонии ничего не останется. А были там русские или нет, поди, разбери после ядерного удара. Лишь пепел да стекло. Главное же – объявить, что там были русские.

Повисла пауза. Тамм тяжело вздохнул и заговорил:

– Мои родители-старики пошли собирать ягоды на бывший советский танковый полигон. Рядом с деревушкой Соодла. Там много озер. Красивые места. Собирают ягоды, а тут – р-р-раз! И из кустов выскакивают негры из США в камуфляже. Арестовали их. Положили лицом в грязь, руки заломили, наручники. Мешки на головы. Доставили в штаб. Разделили. Обыскали. Стариков!!! Моих родителей! И три часа порознь допрашивали. Даже мне позвонили, уточнить кое-что. Я поставил на уши всю штаб-квартиру здесь,

в Брюсселе. Позвонил в Главный штаб сил самообороны Эстонии... Освободили стариков. – Он помолчал, потом добавил: – Не такой я участи хотел для Эстонии и своих родителей.

Прошло двадцать минут нашей встречи, пора было расставаться. Я протянул ему бумажку – визитная карточка моего заведения, они стоят на каждом столе:

– Возьмите. На случай экстренной связи. Вверху телефон бармена, внизу – автоответчик. Звоните по второму телефону, заказывайте столик на двоих на имя Доминика, с указанием времени и даты.

– А потом приходить к вам?

Я протянул вторую бумажку:

– Прочитайте, запомните адрес. Я буду там через два часа от времени, указанного вами на автоответчик. Если все нормально, то через неделю, в 19.00, жду вас здесь же. Конечно, будьте в партикулярном платье, не в форме.

Он внимательно прочитал адрес и усмехнулся:

– Место-то криминальное.

– Зато меньше лишних глаз. Доезжаете до Северного вокзала, потом по переходу под путями. Мимо квартала «красных фонарей». Там мало освещения, мало камер видеонаблюдения.

– Вокзал и его окрестности славятся большим количеством карманников.

– Ну вот видите, вы знаете его. А вот теперь возьмите вот

это. – Я протянул ему бутылку с распыскивателем.

– Что это? – подозрительно посмотрел он на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.